

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 7–12. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 7–12. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470.316)“1912/1913”

EDN WKFFAE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-7-12>

СЕЛЬСКОЕ ХУЛИГАНСТВО В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ В НАЧАЛЕ XX В.: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, karandashevg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Аннотация. В статье на примере Ярославской губернии рассматривается проблема хулиганства в российской провинции в начале XX в. На основе анализа неопубликованных делопроизводственных документов и материалов региональной периодической печати сделан вывод, что деревенское хулиганство являлось трагедией для русского села и при этом было обыденной частью повседневности. Сквернословие, вандализм, избиение прохожих, массовые драки и убийства в сочетании с пьянством значительно снижали безопасность местного населения и качество жизни. Власть не могла надежно оберегать крестьян от хулиганских действий. Сельские жители были вынуждены либо уступать дебоширам, опасаясь поджогов и физического насилия, либо защищать себя самостоятельно, что приводило к случаям самосуда. В 1912–1913 гг. в уездных и губернском земствах Ярославской губернии состоялись дискуссии по вопросу о борьбе с развитием сельского хулиганства, которое признавалось бедой российской деревни. В целях уменьшения данного явления было предложено усилить противодействие пьянству, развивать образование и местное самоуправление. Губернатору было передано постановление о необходимости лоббировать в правительстве принятие законопроектов о быстром разбирательстве дел и вынесении приговоров по делам о хулиганстве, а также об отмене административной высылки из столиц в деревню неблагонадежных лиц. Все рекомендации были направлены в правительство, но статья о наказании за хулиганство вошла в законодательство лишь в советское время.

Ключевые слова: Российская империя, Ярославская губерния, повседневность, сельский быт, хулиганство, преступность, вандализм.

Для цитирования: Карандашев Г.В. Сельское хулиганство в российской провинции в начале XX в.: социальные практики и повседневность // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 7–12. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-7-12>

Research Article

RURAL HOOLIGANISM IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY: SOCIAL PRACTICES AND EVERYDAY LIFE

Gleb V. Karandashev, PhD in History, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, karandashevg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Abstract. The study, based on Yaroslavl Province, examines the problem of hooliganism in the Russian countryside in the early 20th century. Based on the analysis of unpublished business documents and materials from the regional press, it is concluded that rural hooliganism was once the scourge of the Russian countryside and a part of everyday village life. Swearing, vandalism, beating of random passers-by, and mass fights, combined with drunkenness, significantly reduced the quality of life and safety of the local population. The authorities were unable to protect the peasants from this evil, and they were forced to either give in to the bullies out of fear of arson or physical violence, or to defend themselves on their own, which from time to time led to mob law enforcement. In 1912–1913, discussions were held in the district and provincial zemstvos of Yaroslavl Province on the issue of combating the development of rural hooliganism. In order to reduce this phenomenon, it was proposed to strengthen the fight against drunkenness, develop education, and promote local self-government. A resolution was passed by the governor, urging the government to pass bills on the speedy trial and sentencing of cases of hooliganism, as well as the abolition of administrative exile of unreliable individuals from the capital to the countryside. All the recommendations were sent to the Ministry of Internal Affairs, but the article on punishment for hooliganism would only be included in the legislation during the Soviet era.

Keywords: Russian Empire, Yaroslavl Province, everyday life, rural life, hooliganism, crime, vandalism.

For citation: Karandashev G.V. Rural hooliganism in the Russian province in the early 20th century: social practices and everyday life. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 7–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-7-12>

В начале XX в. в российской деревне наблюдалось широкое развитие хулиганства, которое стало серьезной социальной проблемой. В дореволюционной России под хулиганством понимался такой вид преступления, как причинение «обид, ран, увечья и других повреждений здоровью... имеющее своей целью выразить содеянием его публично враждебное, презрительное отношение, в лице потерпевших, к представителям власти, интеллигентным и пользующимся достатком лицам, без всякого к сему повода» [Горановский: 7]. Законодательство Российской империи не включало в себя норму, которая квалифицировала хулиганство как преступление [Панин: 135]. Безусловно, в царской России действовали запреты на действия, попадавшие под признаки хулиганства. С точки зрения нарушения общественного порядка и открытого выражения неуважения к установленным нормам общества эти правонарушения могут быть квалифицированы по характеру действий как вербальное оскорбление, нарушение общественного порядка, физическое насилие, вандализм. Наказанию подлежали: сквернословие, буйство и бесчинство, повлекшие за собой нарушение общественного спокойствия, появление в публичном месте пьяными до беспамятства или в безобразном от опьянения виде, богохульство и святотатство, сопротивление чинам полиции и их оскорбление, стрельба из огнестрельного оружия в публичных местах, приставание к прохожим с целью их оскорбления и выражение им пренебрежения и неуважения, драка, кулачный бой, порча имущества и т. д. [Устав: 12–13, 28; Новое уголовное уложение: 95–96, 101].

В сельской местности хулиганство во многом развивалось благодаря внедрению городских установок, где основным действующим лицом был сезонный рабочий – человек, открытый городу и фабрике, свободный от родительского и общественного контроля и при этом сохранивший связь с деревней [Weissman: 240]. Хулиганы, как правило, являлись аутсайдерами в обществе. Их голоса были подавлены бедностью, отчуждением, удалённостью или социальными переменами. В последние годы существования царизма хулиганство олицетворяло культурный распад и фрагментацию российского общества, демонстрировало неуважение к традиционным общественным институтам. А дореволюционная печать активно нагнетала страх перед образом хулигана у добропорядочных жителей [Neuberger: 275–282]. В современной историографии дореволюционное хулиганство рассматривается также как форма девиантного досуга [Сидорчук: 144; Лурье]. На региональном уровне, несмотря на на-

личие ряда публикаций по отдельным губерниям [Гусенков; Максимова], вопрос, касающийся развития сельского хулиганства, остается малоизученным.

Периодика начала XX в. пестрела сообщениями о правонарушениях и преступлениях в русской деревне. Относительно «безобидными» в сложившейся ситуации были сообщения о случаях сквернословия и нарушениях тишины. Так, 9 апреля в 6 ч. вечера по улицам с. Норского Ярославского уезда «какие-то молодые люди человек 20 ходили и пели нецензурные песни. В это время на улице находилось много девушек, которые в виду такого пения разбежались по домам»¹. По жалобам местных жителей, с. Елохово Рыбинского уезда являлось центром хулиганства Сретенской и Чудиновской волостей. Мимо находившихся там чайной и казенной винной лавок никому нельзя было спокойно пройти, так как рядом постоянно находилась «масса пьяных хулиганов ободранных, избитых. Хорошо отделаешься, если изругают, а то иногда и запустят камнем. Ругают ужасно, самой отборной матерной бранью и провожают следом всякими эпитетами, пока не отделаешься пяточком или гривенником. Особенно опасно ходить женщинам, имеющим несчастье жить в этом медвежьем уголке»².

Типичными являлись заметки о пьянстве в российской деревне, вандализме и «буйстве» в нетрезвом виде представителей различных социальных групп населения. Вот как описывал обыватель повседневность с. Ильинского Угличского уезда: «Среди серенькой жизни мало встречается у нас выдающихся явлений: у кого снимут сапоги, у кого чеку из оси вынут и просят за это на чай – таковы наши обыкновенные новости. Пьют много. Интеллигенция тоже не отстает в поклонении Бахусу. На днях урядник вывел из трактира Немирова уч-ля Н. Т. в нетрезвом виде за буйство»³. 1 мая 1908 г. в Неверковской волости Угличского уезда «рядовой 177 пехоты Изборского полка, уволенный в шестимесячный отпуск для поправления здоровья, П.О. Сахаров, кр. дер. Мал. Тарасово, будучи в пьяном состоянии, поломал на кладбище несколько могильных памятников-крестов и, вытащив через разбитое окно часовни священнические облачения, развесил их на деревьях»⁴.

Варварским хулиганским преступлением было физическое насилие, в частности, избивание случайных прохожих, зачастую совершенное группой лиц. Например, в сентябре 1909 г. в с. Поречье Ростовского у. в 9 часов вечера мастер «жестяных изделий на фабрике Коркунова» А.А. Антонов возвращался домой в компании двух рабочих. На Кабацком мосту на него напали четверо пореческих парней, «воо-

руженных ножами и каменьями. Рабочие бросились отнимать камни у двоих нападавших. Обезоружив парней, рабочие бросили камни в реку. В это время двое остальных набросились на мастера. Один ножом пырнул Антонова в нижнюю челюсть. Другой ударил его камнем по голове и сделал через шляпу большую ссадину на черепе. Чем-то тяжелым ударили Антонова по спине». Подоспевший урядник И.В. Голубев «забрал одного из нападавших – Булатова на ночь в кутузку. Предводитель нападения А. Беляев и двое других скрылись в темноте»⁵. В начале июля 1917 г. без всякой причины был «избит хулиганами волостной писарь Сретенской волости рыбинского уезда. Хулиганы били его до потери сознания и переломили ребро». Потерпевшего позднее доставили в больницу⁶.

Настоящей бедой сельской местности были масовые драки, сопровождавшиеся нанесением тяжелых физических увечий и убийствами. Настоящее побоище произошло в дер. Спешино Рыбинского уезда, когда в доме одного из крестьян собралась вечеринка. Молодежь плясала, пела песни, но потом «часть парней перепилась и девицы вынуждены были уйти с вечеринки, так как назревал скандал. Парни искали, с кем бы подраться. В это время в Спешино пришли молодые люди из соседней деревни Скороды Ивановской волости, на которых вся пьяная орда спешинцев, в числе 20 человек, набросилась и стала избивать колыями, ножами, кистенями и чем попало. Скородские парни не могли защищаться вследствие своей малочисленности, и спешинские били их до тех пор, пока все четверо не потеряли сознание. Наиболее тяжело пострадал Челноков, у которого на теле несколько резаных и колотых ран»⁷.

В дер. Карповское Рыбинского уезда в ночь на 29 апреля 1913 г. произошла «кровавая схватка». На вечеринке, начавшейся с песен и танцев, молодые люди разделились на «две враждебные партии». Некоторые гости покинули мероприятие, а оставшиеся попытались вызвать крестьян из соседней деревни Тороповское для умирения разгорячившихся парней. Скандал быстро перерос в драку, в которой участвовали более 20 человек, вооруженных оловянными перчатками, кистенями и кинжалами. Двери в избу были заперты, свет погашен, началось кровопролитие. В доме оказались и девушки, участвовавшие в вечеринке, чьи крики были слышимы на улице. Через 15 минут после начала драки в деревню прибежали крестьянские мужчины из Тороповского, вооруженные вилами и другими предметами. Они окружили избу, осаждая участников драки, некоторые из которых попытались выпрыгнуть через разбитые окна, но подверглись жестокому избиению. В результате два человека были убиты, а девять тяжело ранены, не считая тех, кто получил легкие травмы⁸.

В сельской местности власти не могли обеспечить надежную защиту населения от хулиганов. 28 сентября 1909 г. житель с. Еремейцево Рыбинского уезда сообщил, что недавно в их селе буйствовал А.И. Макаров, который, оскорбленный грубым словом сельчанки Хлебниковой, разбил все стекла и переплеты в её доме. Успокоить его удалось лишь с помощью стражников, после чего он был отправлен в Рыбинск, но вскоре вернулся, продолжив сеять страх среди жителей. Хлебникова, опасаясь преследований, покинула своё хозяйство и уехала в Петербург к мужу. «Вообще от хулигании стало страшно жить в деревне», – подвел итог своего рассказа автор⁹.

Крестьяне периодически вынуждены были защищать себя сами, и подобные инциденты могли заканчиваться спонтанным самосудом. В апреле 1913 г. в дер. Комарово Мологского уезда несколько парней из соседней дер. Липняги начали хулиганить: задевали девушек и врывались в чужие дома. Н. Кузнецов, известный хулиган и вор, неоднократно получал предупреждения с требованием покинуть деревню, но игнорировал их. Хулиганы вошли в один из домов, требуя водки, но были выгнаны. Позже они вернулись и начали драку с комаровцами. Н. Кузнецов ранил молодого крестьянина ножом. Вид крови спровоцировал комаровцев на расправу, и хулиган, испугавшись, сбежал. Толпа преследовала его до дер. Липняги, где он спрятался в одном из домов. Преследователи нашли его и забили до смерти.

«Уездные хулиганы храбры, потому что они всегда останутся безнаказанными, – сообщали из с. Елохово. – Кому хочется судиться с ними? Ведь нигде суд не сопряжен с такими хлопотами, как в уезде. Надо подать жалобу земскому начальнику; последний месяца через два вызовет верст за двадцать в одно из волостных правлений в свою “камеру”. Извольте-ка ехать, нередко по непролазной грязи, в эту самую “камеру” и в невозможной обстановке, под ругань массы чающих правосудия ждать своей очереди, потратив на дорогу рубля 3–4. В результате в выигрыше остается один хулиган, попав временно отдыхать на казенные хлеба. Ему не страшны ни земские начальники с их судом, ни становые пристава с их урядниками. Мы сами, сельские жители, лишены культурных средств для борьбы с этим злом и принуждены или отступаться от хулиганов, или прибегать к недопустимой мере – “самосуду”»¹¹.

4 августа 1912 г. ярославскому губернатору поступил циркуляр Главного управления по делам местного хозяйства МВД № 14/556 «О доставлении МВД сведений о мероприятиях со стороны земских учреждений для борьбы с хулиганством», в котором сообщалось, что в некоторых губерниях земские собрания призвали принять меры для борьбы с развитием хулиганства в сельских местностях и сопутствующем

ему увеличением преступности. Особо отмечалось, что по действовавшим тогда законам осуществление подобной деятельности выходило за пределы компетенций ведомства земских учреждений¹².

Согласно собранным губернатором данным, в большинстве ярославских уездных земских собраний данный вопрос не обсуждался. Лишь Мологская управа 13 сентября 1912 г. сообщила, что вопроса о принятии мер для борьбы с развитием хулиганства в сельских местностях уезда в земском собрании «не возбуждалось только потому, что осуществление мероприятий выходит за пределы ведомства земских учреждений». При этом в земском собрании неоднократно поднималась проблема освобождения Мологского уезда от административно высылаемых лиц из столиц и других центров государства, «так как означенный элемент чрезвычайно вредно влияет на местное население, благодаря чему в уезде за последнее время замечается прогрессивно развивающееся хулиганство, кражи и нападения на проезжих дорогах»¹³.

23 октября 1912 г. на сессии очередного ярославского уездного земского собрания был заслушан доклад гласного Г.В. Калачова, в котором он назвал «праздношатайство, пьянство и связанное с ними так наз. хулиганство» одним из бедствий современной ему деревни, проявлявшегося в грубости нравов, сквернословии и посягательствах на имущество. Это явление делало жизнь «благонамеренных трудящихся» невыносимой и требовало решительных мер. Особую силу бродяжничество набрало в деревне в 1905 г., во время фабричных и заводских забастовок, когда туда «нахлынул» безработный пролетариат. Позднее большинство рабочих вернулось к станкам, но «слабый элемент остался», превратившись «в пропойц, бродяг и попрошайек». Среди них встречались и «выбитые из колеи полуинтеллигенты-разночинцы», которые также развращали деревню. Шатавшиеся по селам и пропивавшие «крестьянские трудовые гроши», «обнаглевшие тунеядцы» требовали ночлега, что стало реальной повинностью деревни. Каждый домохозяин был обязан принимать бродяг на ночлег, а десятский следил за выполнением этой очереди. Эта практика стала для местного населения «одной из самых тягостных и, по-видимому, не безопасной».

Калачов привел в пример крестьян д. Лаптево и Скрипино Ярославского уезда, которые в приговоре от 8 апреля 1912 г. записали, что на расстоянии приблизительно в 2,5 км от них находилось торговое село К., в котором располагалась казенная винная лавка и общественный трактир с продажей крепких напитков. Село К. получало большую прибыль, «но для нас, ближайших селений, получается совсем иное: мы находимся совершенно в осадном положении от безработной, пришлой, пьяной, странствующей нищей братии и бродяжек, которые дни коро-

тают близ казенной винной лавки и общественного трактира, а при выселении из оных, поздно вечером, бредут в соседние деревни для ночлега; иногда приходится на селение пять или шесть человек в день; за отказ ночлега страшат пожарами; и происходят кражи и пожары».

Далее Ярославской земской управой был подготовлен доклад «По вопросу о мерах борьбы с хулиганством в деревне» для губернского рассмотрения. В нем отмечалось, что деревня была бессильна самостоятельно бороться с хулиганством. Проявления этого явления, сводившегося к бессмысленному причинению вреда чужому имуществу и оскорблению человеческого достоинства, стали обыденными. Терроризированные сельские власти и жители не пытались решительно бороться с хулиганством, осознавая неравенство сил и бессмысленность усилий¹⁴.

Было выделено две категории сельского хулиганства. Первая категория, как указано в записке Калачова, включала «пришлый элемент» – бродяг и праздношатающихся, преимущественно высылаемых из городов лиц с порочным поведением и отбывших наказание за корыстные преступления. Сюда также относились «безработные попрошайки» местного происхождения, ставшие «профессиональными пропойцами», которые группировались около винных лавок и трактиров, а вечером требовали ночлега у крестьян. Вторая категория – «местное хулиганство», возникшее из «одичания» нравов и ожесточения среди крестьянского населения, особенно молодежи. Если первая категория была периодическим явлением, то второй вид свидетельствовал о распущенности подрастающего поколения, с которым следовало радикально бороться, поскольку оно имело свойство эпидемически развиваться¹⁵.

21 декабря 1912 г. состоялось заседание Экономического совета ярославского уездного земства, где продолжилось обсуждение проблемы борьбы с бродяжничеством и хулиганством. Для борьбы с «местным хулиганством» были признаны желательными следующие меры: пастырское увещевание; школьное духовно-нравственное воспитание и дисциплина, включая послушание родителям и уважение к старшим; внешкольное влияние через библиотеки и организацию разумных развлечений для молодежи; создание института «блудителей нравов» – уважаемых в деревне людей с нравственным авторитетом, способных влиять на прекращение хулиганства. Также предусматривались: залог с хулиганов, принудительный труд (общественные дорожные работы), приоритетное рассмотрение дел о хулиганстве, публичное преследование таких правонарушений и запрет карточных игр в общественных местах.

В борьбе с пьянством предлагались следующие меры: удовлетворение приговоров сельских обществ

о закрытии казенных винных лавок; ограничение количества вина, отпускаемого одному человеку, и запрет продажи в мелкой посуде (сотках и полубутылках); борьба с шинками, особенно вблизи винных лавок; уничтожение деления казенных винных лавок на разряды и премий за продажу вина; уравнивание ответственности за тайную продажу вина в запечатанной и открытой посуде, а также за торговлю вином распивочно¹⁶.

10 января 1913 г. Ярославское губернское земское собрание согласилось со всеми предложенными мерами. Ярославскому губернатору было направлено постановление о необходимости ходатайствовать перед правительством, во-первых, о выработке законопроектов, имеющих ввиду более быстрое разбирательство дел и применение наказаний по делам о хулиганских поступках, во-вторых, об отмене административной высылки из столиц в деревню «порочных лиц и об устройстве для них в городах рабочих домов с принудительным трудом». 10 февраля 1913 г. информация была опрделена на рассмотрение управляющему МВД¹⁷, впоследствии во властных кругах вопрос активно обсуждался, но в силу исторических обстоятельств статья о хулиганстве вошла уже в советский уголовный кодекс в 1922 г.

Таким образом, сельское хулиганство в начале XX в. было заметным элементом деревенской повседневности и являлось настоящей трагедией для русской глубинки. Сквернословие, вандализм, массовые драки, избиения и нанесение телесных повреждений прохожим, а также убийства значительно снижали безопасность и качество жизни местного населения. Государство не могло надежно оберегать крестьян от этого зла, и они были вынуждены либо уступать хулиганам, опасаясь поджогов и физического насилия, либо защищать себя самостоятельно, что приводило к случаям самосуда. По этим причинам, а также из-за недоверия к администрации часть хулиганских выходов не доводилась до властей.

Акты сельского хулиганства редко планировались заранее и не совершались организованными бандами. Чаще всего это были спонтанные действия отдельных лиц или групп молодежи, зачастую находившихся в состоянии алкогольного опьянения. В данном случае целесообразно обратить внимание на концепцию девиантного досуга, который представляет собой поведение, не соответствующее установленным социальным нормам и стандартам. Эта форма времяпрепровождения обычно возникает в условиях социальной нестабильности и ограниченных возможностей для конструктивного проведения времени. В начале XX в. подобный досуг служил средством самовыражения и формой протеста против существовавших порядков, однако одновременно он влек за собой негативные последствия для общества.

Сельское хулиганство делилось на два вида: пришлое и местное. Пришлое хулиганство включало бродяг и празднующихся, преимущественно высланных из городов лиц с порочным поведением и отбывших наказание, а также безработных местного происхождения, которые продали свою землю и стали «профессиональными пропойцами». Эти лица группировались у казенных винных лавок и с наступлением вечера ходили по крестьянским домам с просьбой о ночлеге. Местное хулиганство, в свою очередь, было связано с деградацией нравов, что особенно проявлялось среди крестьянской молодежи. Если заезжее хулиганство все же являлось периодическим явлением и поддавалось контролю, то местное свидетельствовало о распущенности нравов, в частности подрастающего поколения, и требовало радикальных мер, поскольку имело тенденцию к стремительному разрастанию, причем не только в крупных торговых и фабричных селах, но и в отдаленной местности.

В 1912–1913 гг. в уездных и губернском земствах Ярославской губернии состоялись дискуссии по вопросу борьбы с развитием сельского хулиганства, которое, наряду с пьянством и бродяжничеством, признавалось бедой российской деревни. С целью уменьшения этих явлений было предложено усилить противодействие пьянству, развивать образование и местное самоуправление. Губернатору было передано постановление о необходимости лоббировать в правительстве принятие законопроектов о быстром разбирательстве дел и вынесении приговоров по делам о хулиганстве, а также об отмене административной высылки неблагонадежных лиц из столиц в деревню. Все рекомендации были направлены правительству, но статья о наказании за хулиганство вошла в законодательство лишь в советское время.

Примечания

¹ Голос. 1917. № 79. 12 апр.

² Голос. 1913. № 98. 30 апр.

³ Угличанин. 1907. № 58. 29 июня.

⁴ Угличанин. 1908. № 46. 3 авг.

⁵ Голос. 1909. № 175. 30 сент.

⁶ Голос. 1913. № 151. 4 июля.

⁷ Голос. 1913. № 150. 3 июля.

⁸ Голос. 1913. № 105. 8 мая.

⁹ Угличанин. 1908. № 54. 28 сент.

¹⁰ Голос. 1913. № 91. 21 апр.

¹¹ Голос. 1913. № 98. 30 апр.

¹² ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4109. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 17–18.

¹⁵ Там же. Л. 20–21.

¹⁶ Там же. Л. 22–25.

¹⁷ Там же. Л. 33–34.

Список литературы

Источники

Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Санкт-Петербург: Кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. 253 с.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Санкт-Петербург: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1867. 45 с.

Исследования

Горановский М.А. Хулиганство и меры борьбы с ним. Гродно: Губернская тип., 1913. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003802521/ (дата обращения: 01.12.2025).

Гусенков А.С. Борьба с хулиганством в Новгородской губернии в начале XX века // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 47. С. 16–18.

Лурье Л.Я. Хулиганы старого Петербурга // Неприкосновенный запас. 2000. № 3 (11). URL: https://web.archive.org/web/20131101232719/http://magazines.russ.ru/nz/2000/3/gent_main3.html (дата обращения: 01.12.2025).

Максимова И.В. Хулиганство как явление повседневной жизни поволжского города накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы) // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сб. Самара, 2022. Вып. 10. С. 7–22. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

Панин С.Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 135–154.

Сидорчук И.В. Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электрон. науч. журнал. 2018. № 1 (25). С. 144–158. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/14_25_2018.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, Univ. California Press, 1993, 324 p. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?doc.view=print&docId=ft809nb565> (дата обращения: 01.12.2025).

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914. *Slavic Review*, 1978, vol. 37, no. 2, pp. 228–240. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/abs/rural-crime-in-tsarist-russia-the-question-of-hooliganism-19051914/33EA8430C5EF17A90D4C04F25FA1CE5C> (дата обращения: 01.12.2025).

References

Goranovskij M.A. *Khuliganstvo i mery bor'by s nim* [Hooliganism and measures to combat it]. Grodno, Gubernskaya Tip. Publ., 1913, 24 p. (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Gusenkov A.S. *Bor'ba s khuliganstvom v Novgorodskoi gubernii v nachale XX veka* [Combating Hooliganism in the Novgorod Province at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], 2008, no. 47, pp. 16–18. (In Russ.)

Lur'e L.Ia. *Khuligany starogo Peterburga* [The Hooligans of Old St. Petersburg]. *Neprikosnovennyj zapas* [The Unspoiled Reserve], 2000, no. 3 (11). URL: https://web.archive.org/web/20131101232719/http://magazines.russ.ru/nz/2000/3/gent_main3.html (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Maksimova I.V. *Khuliganstvo kak iavlenie povsednevnoi zhizni povolzhskogo goroda nakanune Pervoi mirovoi voiny (po materialam saratovskoi pressy)* [Hooliganism as a Phenomenon of Everyday Life in a Volga City on the Eve of the First World War (Based on Materials from the Saratov Press)]. *XX vek i Rossiya: obshhestvo, reformy, revolyutsii: ehlektron. sb.* [The 20th Century and Russia: Society, Reforms, and Revolutions: Electronic Collection]. Samara, 2022, vol. 10, pp. 7–22. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Panin S.E. «Khoziain ulits gorodskikh». *Khuliganstvo v Sovetskoj Rossii v 1920-e gody* [“The Master of the City Streets.” Hooliganism in Soviet Russia in the 1920s]. *Vestnik Evrazii* [Vestnik of Eurasia], 2003, no. 4, pp. 135–154. (In Russ.)

Sidorchuk I.V. *Khuliganstvo kak prestuplenie i kak deviantnaia forma dosuga v SSSR 1920-kh gg.* [Hooliganism as a Crime and as a Deviant Form of Leisure in the USSR in the 1920s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektron. nauch. zhurnal* [Vestnik of the Orenburg State Pedagogical University: Electronic Scientific Journal], 2018, no. 1 (25), pp. 144–158. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/14_25_2018.pdf. (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, Univ. California Press, 1993, 324 p. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?doc.view=print&docId=ft809nb565> (access date: 01.12.2025).

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914. *Slavic Review*, 1978, vol. 37, no. 2, pp. 228–240. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/abs/rural-crime-in-tsarist-russia-the-question-of-hooliganism-19051914/33EA8430C5EF17A90D4C04F25FA1CE5C> (access date: 01.12.2025).

Статья поступила в редакцию 04.12.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 04.12.2025; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 15.04.2026.